

ВОСПОМИНАНІЯ ПОЛЬСКАГО ПОВСТАНЦА 1863 ГОДА ¹⁾.

IV.

Затишье передъ мятежемъ. — Мятежь. — Отець уѣзжаетъ за границу. — Моя тетка. — Партія Кочинскаго. — Пораженіе его. — Сѣвъдъ помѣщиковъ. — Слухи о помощи французовъ. — Убійство помѣщика Снѣжки. — Мое поступленіе въ шайку. — Начальникъ шайки Стасюкевичъ. — Составъ шайки. — Тревога. — Наше бѣгство. — Соединеніе двухъ шакъ.

ВЕНЬ ВОЗСТАНІЯ приближался. Какъ нарочно все утихло, даже въ костелѣ только по воскресеньямъ пѣли революціонные гимны, какъ вдругъ, въ ночь на 23-е января 1863 года, вспыхнуло возстаніе. Я и мой братъ Августъ сидѣли за завтракомъ часовъ около 9 утра, когда вбѣжалъ къ намъ съ тревожно-радостнымъ выраженіемъ лица докторъ Койсевичъ, постоянный посѣтитель и пріятель моего отца. Еле переводя духъ, онъ спросилъ, гдѣ отецъ. Узнавъ отъ меня, что отецъ въ кабинетѣ, онъ бросился туда, не заперевъ плотно дверей. Я остался, предчувствуя что-то необыкновенное. Мое волненіе все болѣе и болѣе возростало по мѣрѣ того, какъ до меня долетали слова «полки, партія, москали, бѣжали» и др. Я невольно заглянулъ въ кабинетъ. Блѣдное лицо отца, а также взволнованное лицо Койсевича, начало меня беспокоить. Я ничего не могъ придумать и ожидалъ какого-то чрезвычайнаго несчастья. Въ головѣ моей попеременно одна мысль замѣняла другую. Отець, впрочемъ, скоро вывелъ меня изъ неизвѣстности сло-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 561.

вами: «Возстаніе въ Польшѣ вспыхнуло, держите себя осторожно, чтобы васъ не опутали». Я тогда понялъ всю истину. Радость замѣнила прежній страхъ. Мнѣ хотѣлось знать всё подробности, и я принялся разспрашивать Койсевича. Отъ него я узналъ слѣдующее. Въ ночь съ 10-го на 11-е вооруженный народъ подступилъ къ мѣстечку Кодень на границѣ царства Польскаго, Бяльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, и напалъ на спавшихъ солдатъ, которыхъ убивалъ. Скоро повстанцы прогнали москалей изъ города, ограбили тамъ казначейство и сожгли нѣсколько домовъ.

Хотя въ то время я былъ преданъ польской справѣ, но такое начало мнѣ показалось подлымъ и недостойнымъ. Другіе, впрочемъ, смотрѣли на это иначе и доказывали, что москаля можно убивать, рѣзать, уничтожать, не разбирая средствъ, что и папа это разрѣшилъ и Богъ проститъ. Отецъ мой, впрочемъ, недовѣрчиво относился къ возстанію и говорилъ, что оно скоро будетъ усмирено русскими войсками, хотя нельзя было не замѣтить въ немъ и нѣкотораго страха. Онъ на другой же день уѣхалъ за границу по совѣту повѣреннаго Загржевскаго. Уѣзжая, онъ далъ намъ по 100 р. каждому; сказавъ, чтобы мы безъ совѣта нашей тетки и повѣреннаго не трогались. Итакъ мы теперь остались подъ опекой нашей тетки и повѣреннаго Загржевскаго. Тетка моя, жена роднаго брата моего отца, была замѣшана въ событіяхъ 1831 года, находилась подъ слѣдствіемъ и была оставлена подъ надзоромъ полиціи. Она постоянно кричала на моихъ родителей за то, что они принимаютъ у себя русскихъ; во время послѣднихъ манифестацій она одна изъ первыхъ въ уѣздѣ одѣлась въ трауръ и тщательно собирала деньги по костеламъ. Теперь она была нашей опекуншей и такъ же, какъ Загржевскій—другой опекунъ, мало стѣсняла нашу свободу. Отъѣздъ отца за границу развязалъ намъ руки. Я отъ радости, что исполнѣ свободенъ, на нѣкоторое время забылъ и про ойчизну.

Вскорѣ извѣстія изъ царства Польскаго заставили насъ опомниться. Сформировавшаяся шайка подъ предводительствомъ молодаго воспитанника Генуэзской школы Кочинскаго обратила на себя всеобщее вниманіе. Имя Кочинскаго переходило изъ устъ въ уста, покрытое какою-то таинственностью, и служило предметомъ для общихъ разговоровъ. Говорили, что онъ побочный сынъ какого-то короля и потому, не смотря на молодость, былъ полковникомъ итальянской арміи, что Наполеонъ самъ послалъ его въ Польшу возстановить ее и что ему обѣщана корона, что его армія вооружена новѣйшими штуцерами и т. п. Когда Кочинскій занялъ уѣздный городъ Бялу и выпустилъ прокламаціи Жюнда Народоваго (Zondu narodowego), уничтожая гербы и портреты государя, тетка моя, любительница польской справы, отправилась туда. Но ей пришлось сильно разочароваться. вмѣсто блестящаго войска она увидѣла здѣсь сбродъ людей съ мѣшками за плечами вмѣсто ранцевъ

и съ палками вмѣсто оружія. Командовали не офицеры итальянскіе и французскіе, а ксендзы, семинаристы, помѣщики и другіе; шумъ, беспорядокъ царили здѣсь, и тетка потеряла всякую надежду видѣть возобновленную Польшу, хотя, возвратившись, этого не рассказывала и, на сколько могла, разукрашивала видѣнное. У насъ въ Брестѣ pripravлялись къ взятію съ помощью Кочинскаго Брестской крѣпости. Нужно знать, что всѣ затѣи революціонеровъ были тщательно скрываются отъ насъ, потому что насъ считали не приготовленными къ революціи. Всѣ дѣйствующія лица представлялись какими-то героями, окружались непроницаемой таинственностью. Въ такомъ же ореолѣ нѣкоторое время представлялся Кочинскій. Но вотъ онъ былъ разбитъ подъ Бялой и долженъ былъ бѣжать передъ генераломъ графомъ Ностицемъ.

Неудача Кочинскаго, однако, не измѣнила дѣла, и возстаніе охватило всю Польшу. Литва пока была еще спокойна, но говорили, что весной начнется возстаніе и тамъ.

Кочинскій, пораженный и преслѣдуемый, стремился перейти за Бугъ, въ нашъ уѣздъ. Онъ созвалъ въ Крачевѣ, имѣніи Богуславскаго, въ царствѣ Польскомъ, Бяльскаго уѣзда, помѣщиковъ и чиновниковъ для совѣта. Съѣхалось довольно много. На совѣтѣ обсуждали вопросъ, какъ настроенъ народъ, готовы ли помѣщики принять участіе и въ силахъ ли уѣздъ дать отпоръ войскамъ, расположеннымъ въ немъ. Большинство собравшихся отвѣтило отрицательно и положительно не хотѣло, чтобы Кочинскій преждевременно нарушалъ спокойствіе. Остальное меньшинство, съ Толочкомъ во главѣ, стали на сторону Кочинскаго. Послѣдній на слѣдующій же день съ своимъ отрядомъ вступилъ въ мѣстечко Семятиче. Кромѣ Кочинскаго, сюда собрались и другія болѣе мелкія шайки, такъ что въ общей сложности составилось около 3.000 человекъ. Графъ Ностиць и здѣсь разбилъ ихъ, а затѣмъ, преслѣдуя по пятамъ, снова разбилъ подъ Королевымъ мостомъ. Совершенно пораженные инсургенты спасались бѣгствомъ: Кочинскій направился къ Пинску, а другіе бѣжали въ царство Польское. Графъ послѣдовалъ за Кочинскимъ и нагналъ его около мѣстечка Турова и тамъ взялъ въ плѣнъ. Шайка же его разбѣжалась. Въ то же время начали ходить слухи, что французская армія уже въ царствѣ Польскомъ, что за Бугомъ видѣли французскую конницу, что въ Ковенской губерніи совершается высадка французскихъ войскъ и что Кочинскій ушелъ изъ царства Польскаго въ Брестскій уѣздъ. Говорили, что Кочинскій будетъ дѣйствовать сначала самостоятельно, а французы, наученные 1812 годомъ, начнутъ свои дѣйствія только весной. Дѣйствительно, Кочинскій, извѣстивъ помѣщика Снѣжку, которому принадлежало имѣніе Донбизна, что будетъ у него съ отрядомъ къ обѣду, скоро явился сюда, а графъ Ностиць съ отрядомъ шелъ по слѣдамъ за нимъ. Снѣжку, опасаясь

ясь, чтобы его не заподозрѣли въ участіи въ мятежѣ, выслалъ бочку съ водкой изъ своего винокуреннаго завода на дорогу, по которой шелъ отрядъ графа, думая водкой задержать на дорогѣ приближающійся отрядъ. Графъ приказалъ разбить бочку, чтобы солдаты не напились, и пошелъ дальше. Снѣжко, узнавъ объ этомъ, торопилъ Кочинскаго оставить его имѣніе.

Когда русскій отрядъ пришелъ къ Донбизнѣ, то нѣсколько повстанцевъ находились еще въ имѣніи и начали стрѣлять по отряду. Взбѣшенные такимъ пріемомъ солдаты ворвались во дворъ и стали уничтожать все, что имъ попало подъ руку. Въ общей свалкѣ былъ убитъ самъ Снѣжко. Убійство это, въ сущности не важное, надѣлало очень много шума. Снѣжка, до этого времени никому неизвѣстнаго, выставили какимъ-то героемъ-мученикомъ, пострадавшимъ за общее дѣло; въ пользу вдовы его собирались пожертвованія. Скоро повстанцамъ пришлось бороться еще съ однимъ врагомъ, именно съ крестьянами.

Крестьяне такъ были ожесточены противъ повстанцевъ, что при первомъ удобномъ случаѣ вооружались чѣмъ попало, вязали ихъ и связанныхъ приводили прямо въ города. Наши опекуны, тетка и повѣренный, видя неудачи Кочинскаго, отправили насъ въ отдаленную деревню Руду, находившуюся въ 5-ти миляхъ отъ Бреста. Впослѣдствіи, возвратившись изъ деревни, я узналъ отъ дворовыхъ людей, что въ наше отсутствіе въ нашемъ домѣ собиралось много народа. Къ намъ приходили какіе-то незнакомые люди подъ вымышленными фамиліями, что-то приносили, о чемъ-то толковали. Можно было ожидать, что рано или поздно ихъ арестуютъ, а въ томъ числѣ и меня, хотя я не принималъ ровно никакого участія ни въ чемъ. Поэтому я колебался или уѣхать назадъ въ деревню, или же присоединиться ко всеобщему движенію. Между тѣмъ начали ходить слухи, что одинъ изъ храбрѣйшихъ партіи Кочинскаго, который тоже былъ въ Генуэзской школѣ, организуетъ шайку, но гдѣ—никто не зналъ. Мнѣ захотѣлось стать въ ея ряды. Съ этой цѣлью я познакомился съ молодыми помѣщиками—Станишевскимъ и Карчевскимъ. Когда они узнали о моемъ желаніи, то сейчасъ же сообщили мнѣ, гдѣ находится шайка, и посовѣтовали взять съ собой лошадей и дворовыхъ людей. Говорили, что 20 апрѣля 1863 года назначенъ большой сборъ въ царствѣ Польскомъ.

Получивъ такія инструкціи, я поѣхалъ въ Руду и тамъ сказалъ писарю, патриотизмъ котораго былъ мнѣ извѣстенъ еще прежде, чтобы онъ, взявъ 6 лошадей, уѣхалъ въ царство Польское и отдалъ лошадей въ шайку, и если захочетъ, то и самъ можетъ остаться тамъ. Мѣсто, гдѣ собралась шайка, онъ зналъ и самъ. Распорядившись такимъ образомъ, собравъ суконное платье, большіе сапоги и нѣсколько бѣлья и уложивъ все это въ чемоданчикъ, я отправился на своихъ лошадяхъ къ границѣ. Черезъ нѣкоторое время

мы пріѣхали къ Бугу. Здѣсь въ довольно глухомъ мѣстѣ, закрытомъ деревьями, мы нашли паромъ, который и перевезъ насъ на другую сторону. Я отослалъ лошадей домой и пѣшкомъ добрался до небольшой хатки въ лѣсу, гдѣ нашель проводника и еще нѣсколькихъ человѣкъ, прибывшихъ съ той же цѣлью, какъ и я. Скоро мы, въ числѣ пяти человѣкъ, перебрались въ царство Польское. Какое-то радостное чувство охватило меня. Надежды, одна свѣтлѣе другой, мысль, что я жертвую собой за отечество, за общее дѣло, что могу наконецъ смыть позорное пятно, тяготѣвшее надъ нашей семьей,—все это приводило меня въ какой-то экстазъ. Въ царствѣ Польскомъ приняли насъ очень радушно и сейчасъ же отправили въ одно имѣнье.

На большомъ возу, запряженномъ четверкой сильныхъ лошадей, поѣхали мы туда. Имѣніе это называлось Покинянка. Оно принадлежало госпожѣ Прусской. Молодая еще вдова, жившая съ довольно хорошенькой младшей сестрой, она приняла насъ радушно и, такъ какъ было одиннадцать часовъ, то насъ посадили за ужинъ очень вкусный, съ виномъ. Веселый при этомъ разговоръ заставилъ забыть усталость. Имѣніе Покинянка состояло только изъ дворовыхъ строеній, повидимому, недавно построенныхъ. Домъ, гдѣ жили хозяева, имѣлъ только пять комнатъ, одна изъ которыхъ выходила въ садъ, примыкавшій къ лѣсу. Здѣсь впоследствии мы проводили большую часть своего времени. На слѣдующій день мы отправились отыскивать партію, но она куда-то скрылась, услышавъ, что противъ нея выступилъ отрядъ изъ Бреста подъ начальствомъ генерала Эгера.

Спустя нѣкоторое время, намъ кое-какъ удалось напасть на слѣды партіи. Она находилась въ Флоріанскомъ густомъ лѣсу. Мы остановились на полянѣ и разослали знающихъ лѣсъ людей розыскать партію. Мы ждали болѣе двухъ часовъ. Наконецъ услышали пѣніе, трескъ ломаемыхъ вѣтвей, топотъ лошадей; затѣмъ выѣхали три хорошо одѣтыхъ всадника. Между ними я узналъ Карчевскаго и Станишевскаго. Станишевскій былъ въ бѣлой курткѣ и брюкахъ, въ бѣлой конфедераткѣ, съ винтовкой черезъ плечо, съ саблей, револьверомъ и пистолетами. Карчевскій былъ въ чамаркѣ, конфедераткѣ, вооруженный такъ же, какъ его товарищъ. Я съ радостью бросился къ Станишевскому; остальные, завидѣвъ отрядъ, бросали шапки въ верхъ, кричали «ура» и «Niech żyje Polska».

Когда я нѣсколько пришелъ въ себя отъ радости, то увидѣлъ всю шайку, которая состояла изъ 10 человѣкъ кавалеріи, 30 человѣкъ пѣхоты съ винтовками и 40 человѣкъ съ косами. Всѣ были одѣты въ разные костюмы, какъ кто вышелъ изъ дому; только надѣтыя на всѣхъ конфедератки придавали пестрой толпѣ нѣкоторое однообразіе.

Прежде всего мнѣ бросились въ глаза косы, превращенныя въ

оружіе. Дѣлали это такъ. Обыкновенную косу прикрѣпляли къ древку такимъ образомъ, чтобы лезвіе косы находилось на одной прямой съ древкомъ. Такимъ образомъ получилось нѣчто въ родѣ большаго, нѣсколько своеобразнаго копья. Съ другаго конца такого копья придѣлывался еще желѣзный крюкъ, назначеніе котораго было стаскивать непріятельскихъ кавалеристовъ съ лошадей. Толпа вооруженныхъ людей, таинственность и величіе лѣсной обстановки, страстное пѣніе патріотическихъ гимновъ, способны были произвести впечатлѣніе на всякаго, и я чуть не плакалъ. Въ это время подѣхалъ начальникъ партіи Стасюкевичъ. Когда меня отрекомендовали, онъ поблагодарилъ за присылку для партіи шести лошадей, сѣдель и другихъ мелочей, и назначилъ меня тотчасъ же секретаремъ своей партіи; хотя я объяснилъ, что канцелярской должности не знаю, что никогда не служилъ по этой части, онъ подтвердилъ свое приказаніе. Слова: «польская справа и мы такъ желаемъ» (*sprawa polska i my tego życzymy*), заставили меня согласиться.

Стасюкевичъ, начальникъ шайки, двадцати четырехъ лѣтъ, красивый брונетъ, высокаго роста, съ большими черными глазами, окончилъ семинарію и чрезъ годъ былъ бы уже ксендзомъ, но партія Кочинскаго увлекла его, и онъ, бросивъ семинарію, присталъ къ ней въ качествѣ казначея. Когда шайка была разбита, онъ получилъ указъ отъ жонда варшавскаго на организацію шайки для Брестскаго уѣзда въ предѣлахъ царства Польскаго, именно въ Бяльскомъ уѣздѣ. На этомъ основаніи, Стасюкевичъ называлъ себя военнымъ воеводою Брестскаго воеводства и теперь щеголялъ въ полушубкѣ и голубой конфедераткѣ.

Сдѣлавъ распоряженіе, чтобы размѣстили прибывшихъ въ его партію охотниковъ, онъ занялся мною, передалъ въ мои руки портфель, бумаги и печать своей шайки. Когда всѣ приказанія его были исполнены, партія двинулась въ глубь лѣса.

Скоро мы вышли на поляну, окруженную еще болѣе густыми деревьями и кустарниками, чѣмъ прежняя. Здѣсь былъ отданъ приказъ остановиться для обѣда. Я уже успѣлъ познакомиться съ партіей и офицерами. Штабъ Стасюкевича составляли: начальникъ штаба Казимиръ Нарбутъ, помѣщикъ Брестскаго уѣзда, адъютантами его были помѣщики Станишевскій и Мѣлевскій, оба Брестскаго уѣзда. Въ шайкѣ находился также и ксендзъ изъ Янова, Малопольскій. Вооруженный револьверомъ, онъ служилъ службу, исповѣдывалъ и причащалъ желающихъ и, если случалось, чего не было при мнѣ, казнить когонибудь, то ксендзъ давалъ свое послѣднее благословеніе. Впослѣдствіи прибылъ еще инструкторъ, корнетъ, дезертировавшій изъ русской арміи, Запольскій, обязанности котораго было обучать партію строю. Былъ также у насъ врачъ Калиновскій, двоюродный братъ извѣстнаго диктатора Калиновскаго, повѣшеннаго въ Вильнѣ; начальникомъ кавалеріи—Кар-

чевскій, стрѣлковъ и пѣхоты—Ваньковичъ, «косинеровъ»—Бригуза. Я замѣтилъ, что только офицеры были вооружены удовлетворительно, другіе же носили двухствольныя охотничьи ружья, часто перевязанныя веревочками. Лучшее сравнительно оружіе отдавалось кавалеріи. Отрядъ былъ раздѣленъ на отдѣленія и десятки. Въ отдѣленіи было двадцать человекъ, которыми командовалъ офицеръ, десяткомъ командовалъ унтеръ-офицеръ. За партіей тянулся обозъ, состоявшій изъ шести бричекъ и возовъ, по двѣ и по три лошади. Начальникомъ обоза былъ бѣжавшій полицейскій изъ Варшавы, тамошній уроженецъ. Онъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ поваровъ и кучеровъ.

Когда мы усѣлись за обѣдъ, состоявшій изъ ветчины, говядины, колбасъ, сыру, вина и водки въ большомъ количествѣ (для шайки варился супъ изъ говядины), вдругъ является переодѣтый уніатскій ксендзъ изъ сосѣдняго прихода и говоритъ на ухо Стасюкевичу, но такъ, однако, что я, находясь ближе всѣхъ, могъ слышать его слова. Онъ сообщилъ, что отрядъ изъ двухъ ротъ и конница съ пушками, прибывшіе изъ города Бялы, окружили лѣсъ, въ которомъ мы расположились обѣдать. Мы, сознавая свои слабыя силы и чувствуя, что сопротивляться не можемъ, на мгновеніе оробѣли, но твердость и спокойствіе Стасюкевича поддержали насъ. Ксендзъ предложилъ не медля собираться въ дорогу, сказавъ, что онъ проведетъ насъ къ другой близъ стоящей партіи Бончи. Сейчас же вывернули супъ изъ котловъ, быстро запрягли лошадей, и скоро все было готово къ выступленію. Впередъ была послана кавалерія изъ пяти человекъ (другіе пять остались для прикрытія обоза), и шайка направилась къ опушкѣ, стараясь двигаться возможно тише. Боялись не только крикнуть, но даже кашлянуть. Иногда только лошади фыркали, но и это заставляло насъ вздрагивать. Всѣ очевидно боялись. Черезъ нѣкоторое время мы выѣхали на опушку и направились вдоль лѣса, не замѣчая нигдѣ никакого непріятели. Въ это время Стасюкевичъ приблизился ко мнѣ. Я сидѣлъ съ портфелемъ подъ мышкою на одной изъ бричекъ. Онъ спросилъ, какъ мнѣ нравится все мною видѣнное, и когда я ему отвѣтилъ, что не очень, то онъ нѣсколько изумился. Въ эту минуту прискакалъ къ намъ кавалеристъ съ рапортомъ, что кавалерія изъ шайки Бончи въ шестьдесятъ лошадей показала на противоположной сторонѣ, а непріятель находится по срединѣ. Эта вѣсть меня очень обрадовала.

Стасюкевичъ, взявъ у меня подзорную трубу, поскакалъ, чтобы самому удостовѣриться. Однако мысль, что въ случаѣ неудачи мнѣ придется быть зарѣзаннымъ, какъ курицъ, беспокоила меня, и я постоянно оглядывался, все ли въ надлежащемъ порядкѣ, и осматривалъ свой револьверъ (штуцеръ, который я привезъ съ собой, по просьбѣ Стасюкевича, былъ отданъ лучшему стрѣлку). Среди

такихъ тревоженій я и не замѣтилъ, какъ окончился день. Съ наступленіемъ ночи мы въ безпорядкѣ и измученные добрались до имѣнія Вульки Носовой, помѣщика Венжика. Наши квартирьеры приготовили уже обѣдъ и ужинъ для проголодавшейся шайки. Здѣсь можно было нѣсколько отдохнуть. Я, измученный моимъ прежнимъ путешествіемъ въ шайку, не успѣвшій до этого времени порядочно присѣсть, радовался болѣе всѣхъ отдыху. Помѣщикъ, дряхлый старикъ, вышелъ къ намъ на встрѣчу и просилъ офицеровъ зайти къ нему въ домъ.

Маленькій самоварчикъ съ чайнымъ приборомъ кипѣлъ на столѣ, бутылка водки и скупо приготовленная закуска ждали здѣсь насъ. Но когда въ комнату вошло все наше офицерство, состоявшее изъ пятнадцати человѣкъ, Венжикъ опрометью бросился къ столу и схватилъ со стола серебряную сахарницу, желая замѣнить ее жестяной. Замѣтя такую выходку, мы обидѣлись и велѣли Венжику оставить сахарницу на столѣ, увѣряя его, что между нами воровъ нѣтъ. Хотя Венжикъ и сопротивлялся, но потомъ мало-помалу нашлись вина и большой самоваръ.

Два часа, которые мы здѣсь провели, прошли не замѣтно. Наѣвшись и немного отдохнувъ, мы тронулись въ дальнѣйшій путь на 20 подводахъ, доставленныхъ крестьянами. На другой день утромъ мы очутились въ большихъ Бяльскихъ лѣсахъ, гдѣ думали соединиться съ шайкой Бончи. Съ пѣснями, какъ бы послѣ выиграннаго сраженія, двигались мы впередъ пѣшкомъ, потому что подводы, со вступленіемъ въ лѣсъ, были отосланы назадъ. Я былъ невыразимо радъ этому лѣсу. Онъ мнѣ казался недоступною крѣпостью. Здѣсь я смотрѣлъ на каждое толстое дерево, стоя за которымъ смѣлѣе могъ бы защищаться, чѣмъ сидя на бричкѣ. Раздался сигналъ на трубѣ. Мы остановились.

На полянѣ, среди сосновыхъ деревьевъ, надъ оврагомъ, стояла выстроившійся партія Бончи. Съ праваго фланга выстроена была кавалерія изъ 60 человѣкъ, та самая, которая насъ спасла накануне; дальше стрѣлки съ винтовками и штуцерами (500 человѣкъ), а за ними косиньеры (1.000 человѣкъ). Впереди же самъ Бонча, начальникъ шайки, со своимъ штабомъ, верхомъ. Стасюкевичъ, сопровождаемый такъ же своимъ штабомъ, верхомъ, ѣхалъ ему на встрѣчу. Музыка, состоявшая изъ скрипки и бубна, играла маршъ. Начальники отдали другъ другу честь саблями, и отряды соединились. Но согласіе не долго продолжалось между начальниками шаекъ. Скоро ихъ поссорилъ вопросъ, кому быть старшимъ въ лагерѣ. Бонча, какъ предводитель большей партіи, отстаивалъ свои права у Стасюкевича, и ссора дошла до того, что Стасюкевичъ запретилъ своимъ рядовымъ сноситься съ рядовыми Бончи, говоря, что партія Бончи состоитъ изъ воровъ и мошениковъ. Это отчасти было и справедливо.

Частыя кражи повстанцевъ Бончи у нашихъ заставили скоро «довудцовъ» совершенно разойтись. Послѣ трехдневнаго отдыха мы разстались. Бонча со своими остался на мѣстѣ, а мы направились искать себѣ другаго безопаснаго убѣжища.

Въ это время и я нашелъ соперника, которому хотѣлось непременно быть секретаремъ партіи. Это былъ Яскуловскій, сынъ помѣщика Брестскаго уѣзда. Если бы онъ мнѣ прямо сказалъ о своемъ желаніи, то я бы съ удовольствіемъ уступилъ ему свое почетное перо и печать, потому что, не зная канцелярской службы, я ничего самъ не дѣлалъ, а за меня все исполнялъ адъютантъ Стасюкевича Мѣлевскій. Между тѣмъ, обиженный Яскуловскій началъ интриговать противъ Стасюкевича; уговаривалъ шайку оставить его и перейти къ Бончѣ или избрать другаго вождя. Все это, однако, кончилось ничѣмъ, и Яскуловскій перешелъ къ Бончѣ вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Вахковичемъ, котораго онъ предлагалъ избрать «довудцей». Такимъ образомъ наша партія опять стала самостоятельной, и жизнь наша пошла нѣсколько правильнѣе.

V.

Жизнь въ шайкѣ. — Польки-патріотки. — Именины Стасюкевича. — Тревога. — Біографія Стасюкевича. — Прибытіе шайки въ Яновъ. — Отказъ епископа дать благословеніе Стасюкевичу. — Прибытіе въ Покнянку. — Организация царства Польскаго. — Обмундированіе шайки. — Передвиженія шайки. — Моя поѣздка въ Варшаву. — Передача таинственнаго пакета. — Встрѣча съ братомъ. — Перемены внѣшняго вида Варшавскихъ улицъ. — Агенты Жонда.

Шалашъ Стасюкевича охраняли часовые, а отдѣленіе косиньеровъ по очереди держало гауптвахту. Дежурные офицеры смотрѣли за безопасностью шайки и за порядкомъ. Ксендзь Малопольскій почти каждый день служилъ обѣдню въ присутствіи всей шайки предъ алтаремъ, устроеннымъ подъ большимъ развѣсистымъ деревомъ, вѣтви котораго представляли собой балдахинъ. Кругомъ алтаря были разставлены косы, винтовки, кавалерійскіе значки. Штабъ стоялъ по правую сторону алтаря. Послѣ служенія, всѣ вмѣстѣ пѣли «Боже цось Польске» или другой какой нибудь революціонный гимнъ, затѣмъ нашъ ксендзь держалъ проповѣдь. Во время службы желавшіе исповѣдывались и причащались. Такъ жили мы три дня, послѣ чего отправились въ лѣса, принадлежащіе помѣщику Орловскому.

Здѣсь мы уже нашли приготовленный фуражъ и для лошадей, и для людей. Кромѣ того, былъ приготовленъ великолѣпный обѣдъ съ винами, водкой и разнаго рода сладостями. Оказалось, что въ этотъ день Стасюкевичъ былъ именинникъ, и сосѣдніе помѣщики

устроили въ честь его пирь. Сюда съѣхалось много гостей, сосѣднихъ помѣщиковъ съ женами и дочерьми. Приѣхало такъ же нѣсколько хорошенькихъ курьерокъ. Курьерокъ во время послѣдняго мятежа было очень много. Это были большею частью молодыя, хорошенькія дѣвушки, которыя бросали домъ, семью, родителей, все, и стремились съ жаромъ помогать польской справѣ, развозя разныя распоряженія жонда народоваго то въ шайки, то къ лицамъ, принимавшимъ участіе въ общемъ дѣлѣ, и подвергая себя всевозможнымъ опасностямъ. У каждой изъ нихъ былъ въ той или другой шайкѣ чело-вѣкъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ.

Случалось, что курьерка вступала въ ряды шаекъ, переодевая въ мужское платье, и навлекала на себя пошлыя насмѣшки не-образованной толпы (косиньеровъ), лишь бы только постоянно быть вмѣстѣ съ своей симпатіей. Былъ случай, что жена поступила въ шайку, гдѣ служилъ ея мужъ, изъ ревности къ нему. Не было той опасности, которая бы удержала курьерку отъ исполненія рас-поряженія организаторовъ (революціонныхъ чиновниковъ).

Фамиліи курьерокъ были рѣдко извѣстны; обыкновенно мы ихъ знали подъ крестнымъ именемъ: то панна Юлія, то Юзефа, то Александра и т. п. У насъ самая рьяная курьерка была пани Шенявская, жена убитаго довудцы въ царствѣ Польскомъ. Ея мужъ, помѣщикъ Бяльскаго уѣзда, бросилъ имѣніе, одинъ изъ первыхъ собралъ шайку и соединился съ Кочинскимъ. Послѣ одномѣсяч-ной дѣятельности онъ былъ настигнуть близъ почтовой станціи Социна по дорогѣ въ Варшаву и палъ въ стычкѣ. Его жена, же-лая отомстить за него, пустилась во все опасности ремесла курь-ерки. Слишкомъ рьяный, притомъ же напускной, ея патріотизмъ намъ даже опротивѣлъ. Женщина лѣтъ сорока съ лишкомъ, некра-сивая, она не пользовалась нашимъ сочувствіемъ. Въ концѣ 1863 года она была арестована и выслана на жительство въ Сибирь.

Когда пирь былъ въ разгарѣ и шампанское начало кружить головы, неожиданно раздался на пикетѣ выстрѣлъ. Все бросились къ оружію, и шайка съ Стасюкевичемъ во главѣ поспѣшила къ опушкѣ лѣса; но тревога оказалась напрасной, и мы возвратились къ оставленному мѣсту. Здѣсь дѣло разъяснилось. Тревогу вызвали возвращавшіеся съ поля работники съ сохами, волами и лошадьми.

Изъ мѣста, на которомъ мы отпраздновали именины Стасюке-вича, было послано первое донесеніе къ брестскому и гроднен-скому гражданскому воеводѣ о состояніи нашей партіи, причемъ мѣсто, откуда посылали донесеніе, обозначалось словами «Главная квартира отдѣленія» (glawna kwatiera oddzialu).

Стасюкевичъ, во главѣ 15 нашихъ кавалеристовъ (за это время кавалерія наша успѣла увеличиться десятью лошадьми, а пѣхоты считалось 150 чело-вѣкъ), отправился для рекогноспировки. Онъ возвратился въ 2 часа ночи. Узнавъ, что все тихо, и москалей ни-

гдѣ не слышно, онъ объявилъ намъ, что думаетъ посѣтить съ своей партіей городъ Яновъ, отъ котораго мы находились въ двухъ миляхъ.

Въ четвертомъ часу утра данъ былъ сигналъ (у насъ нашелся трубачъ изъ партіи Шенявскаго). Позавтракавъ, мы тронулись въ путь къ Янову. Любопытно мнѣ было видѣть, какъ ксендзы примутъ своего бывшего семинариста.

Вскорѣ мы вошли въ городъ Яновъ. Евреи и мѣщане встрѣтили насъ радостными криками, подносили хлѣбъ, соль. Ксендзъ, фамиліи котораго не знаю, сказавъ рѣчь, попросилъ штабъ и офицеровъ обѣдать къ семинарскому столу. Мѣщане и даже евреи сносили въ горшечкахъ и тарелкахъ пищу для партіи, и такъ много, что не нужно было готовить ничего. Евреи доставили водку, и каждому рядовому дано было по двѣ рюмки. Послѣ этого, разставивъ пикеты, отрядъ размѣстили по квартирамъ. Стасюкевичъ раньше извѣстилъ о своемъ посѣщеніи городъ и ксендзовъ, такъ что они ожидали насъ съ обѣдомъ. Въ обѣденной залѣ ксендзы бросились обнимать Стасюкевича, своего бывшего ученика, поздравляли и осматривали съ ногъ до головы. Скоро подали обѣдъ, состоявшій изъ трехъ отлично приготовленныхъ блюдъ. Нужно знать, что польскіе ксендзы, въ особенности монахи, имѣютъ очень утонченный вкусъ. Лучшіе повара достаются всегда имъ или у нихъ совершенствуются. На кухню ксендзъ, даже самый скупой, не жалѣетъ денегъ. Разныя вина дополнили нашу трапезу, послѣ которой мы разошлись спать по назначеннымъ квартирамъ. Между тѣмъ Стасюкевичъ отправился къ епископу, резиденція котораго была въ Яновѣ, чтобы попросить его пастырскаго благословенія для партіи. Но осторожный епископъ отказался принять его, отговариваясь болѣзною. Это очень разсердило Стасюкевича, и, отдохнувши, мы немедленно оставили Яновъ.

Двигались мы обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ. Три кавалериста ѣхали нѣсколько впереди, въ качествѣ развѣдчиковъ. За ними слѣдовала половина кавалеріи и, наконецъ, пѣхота (стрѣлки и косиньеры). Обозъ подъ прикрытіемъ остальной части кавалеріи и пѣхоты шель сзади. Я отбывалъ всѣ походы съ партіей на маленькой одноконной бричкѣ, въ которой находилось все мое имущество и секретарскія принадлежности. Здѣсь же былъ мой письменный столъ. Мы двигались къ лѣсу, находившемуся въ 10-ти верстахъ отъ Янова.

Большой казенный лѣсъ часто спасалъ насъ отъ разнаго рода опасностей. Мѣсто, нами избранное, былъ домикъ лѣсничаго. На это время лѣсничій уѣзжалъ къ своимъ знакомымъ, и штабъ помѣщался въ его жилищѣ. Это мѣсто съ одной стороны было закрыто лѣсомъ, а съ другой большой деревней Рокитна. Постоявъ здѣсь два дня, мы двинулись къ Покинянкѣ, и расположились въ

лѣсу около самой деревни. Мы (офицеры) отправились къ знакомой уже намъ хозяйкѣ и проводили у нея цѣлые дни, пользуясь самымъ радушнымъ пріемомъ; по вечерамъ же, когда пріѣзжали курьерки, подъ звуки рояля устраивались танцы. Днем Стасюкевичъ съ кавалеріей отправлялся на рекогносцировку, возвратившись съ которой и привезя успокоительныя свѣдѣнія проводилъ вечера въ нашемъ обществѣ. Нужно замѣтить, что нашъ клерикъ-довудца любилъ свѣтскія увеселенія и пользовался ими при всякомъ удобномъ случаѣ. Здѣсь каждый день навѣщали насъ революціонные чиновники, ксендзы и друг. Всѣ они раболѣпствовали передъ Стасюкевичемъ, зная, какая громадная власть находится въ рукахъ военнаго воеводы. Царство Польское въ это время было раздѣлено на воеводства. Каждое воеводство (губернія) въ свою очередь раздѣлялось на уѣзды, округа и парафіи (parafia). Воеводы и уѣздные начальники (powiatowe) избирались Жондомъ Народовымъ въ Варшавѣ и отъ себя уже назначали «окренговыхъ» и «парафіановыхъ». Воеводы и уѣздные начальники наблюдали за порядкомъ во ввѣренныхъ имъ областяхъ, творили судъ и расправу. Въ ихъ распоряженіи находились жандармы-вѣшатели, жандармы-шпіоны. Жертвы, осужденныя на смерть, отдавались обыкновенно въ распоряженіе жандармовъ-вѣшателей; обязанностью же тайныхъ было слѣдить за каждымъ жителемъ (obywatelem). Если тайный жандармъ замѣчалъ что нибудь непатріотическое, онъ доносилъ высшему начальству, которое убѣждало виновнаго и въ случаѣ непослушанія приговаривало къ смерти. Окренговыми были обыкновенно помѣщики. Они должны были доставлять одежду, кормъ и вообще все нужное для партіи, а также наблюдать за ввѣреннымъ имъ округомъ. На обязанности парафіальныхъ лежало доставлять все, что поручали окренговые, главнымъ образомъ собирать деньги на народovou справу. Деньги эти отсылались начальнику уѣзда, который поступалъ съ ними по своему усмотрѣнію: или отсылалъ въ жондъ въ Варшаву, или оставлялъ на расходы въ уѣздѣ, или же, что тоже бывало, просто оставлялъ ихъ у себя. Нѣкоторые даже пользовались не только деньгами, но и вещами, которыя патріоты присылали для партіи. Они обращали ихъ въ деньги и сохраняли послѣднія, вѣроятно, для будущихъ мятежей. Кромѣ того, каждый сто человѣкъ въ уѣздѣ имѣли сотскаго, который обязанъ былъ вербовать охотниковъ и доставлять ихъ въ партію. По всему царству Польскому устроена была повстанская почта (poczta partyjowa). Помѣщикъ, содержавшій такую почту, былъ непременно чиновникомъ революціи. По требованію проѣзжаго, предъявившаго карточку на полученіе лошадей, выданную Жондомъ, почта немедленно должна была давать лошадей. Замедленіе наказывалось штрафомъ. Если мимо какой нибудь изъ этихъ почтъ проходили русскіе отряды, то она должна была изъ

вѣстить сейчасъ же объ этомъ ближайшія станціи въ окружности, а эти, не медля ни минуты, извѣщали слѣдующія. Такимъ образомъ цѣлый уѣздъ зналъ, что русскій отрядъ находится въ его предѣлахъ. Какое бы направленіе ни принялъ этотъ отрядъ, за нимъ слѣдили, извѣщая другъ друга постоянно, пока отрядъ не вернется домой. Если въ уѣздѣ находилась партія, то ее объ этомъ сейчасъ извѣщали, и она, соображая свои силы, соотвѣтственно имъ дѣйствовала. Всего чаще, впрочемъ, партіи избѣгали непріятной встрѣчи. Кромѣ того, каждая партія имѣла своихъ шпионовъ, которыхъ снабжала лошадью и бричкой. Они должны были ѣздить по окрестностямъ и извѣщать партію въ случаѣ появленія непріятеля. Кромѣ гражданской власти, была и военная, которая имѣла наибольшее значеніе. Военный воевода имѣлъ право жизни и смерти безъ отчета. Позже были установлены комиссары отъ Жюнда Народоваго, власть которыхъ въ воеводствѣ была неограниченна. Они могли назначать подати, «офяры», контрибуціи.

Мы прожили въ Покинянкѣ цѣлую недѣлю. Въ это время наша партія все увеличивалась. Стрѣлковъ оказалось около 100, а косиньеровъ—130. Ружья были исправнѣе прежняго и повязанныхъ веревками болѣе не встрѣчалось. Слесарь исправилъ ихъ и, кромѣ того, окренговые доставили много новыхъ. Они же доставили намъ порохъ, олово, и партія занялась приготовленіемъ патроновъ. Сюда же доставили обувь и одежду: сапоги, блузы, конфедератки и проч. Для кавалеріи блузы и конфедератки были краснаго цвѣта, для стрѣльцовъ—зеленыя, а косиньерамъ изъ простаго небѣленаго холста. Кавалерія вся получила значки и копыя. Для меня, какъ секретаря, прислана была изъ Бреста, не знаю только кѣмъ, красивая голубая, серебромъ шитая, съ эксельбантами блуза и такая же конфедератка. Я наряжался въ эту блузу только въ праздники. Она была такъ эффектна, что посторонніе принимали меня за начальника, и, кромѣ того, она была мнѣ къ лицу, чему я очень радовался.

Послѣ обѣдни, утромъ, мы двинулись по берегу Буга къ Славатыцкимъ лѣсамъ, находившимся за 6 миль отъ Покинянки. Неугомонные пѣсенники нѣсколько разгоняли дорожную скуку. Тѣхли молча и только изрѣдка переговаривались. Невольно приходила мысль, какъ ничтожна наша сила въ сравненіи съ правильно организованной русской арміею. Мы шли, но что была за цѣль этихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто, мы не знали.

Не доходя Славатичъ, Стасюкевичъ послалъ меня съ другимъ офицеромъ Рильскимъ набрать лошадей для пополненія кавалеріи. Я отправился, и только послѣ трехъ-дневнаго странствованія мнѣ удалось добыть 10 лошадей.

Господа, у которыхъ мною были взяты лошади, были экономы и управляющіе графа Красинскаго. Они съ радостью жертвовали

чужимъ добромъ, тѣмъ болѣе, что графъ распорядился ни въ чемъ не отказывать повстанцамъ.

Партію свою засталъ я въ Славатицкомъ лѣсу. Стасюкевичъ сказалъ мнѣ, что я избранъ для поѣздки въ Варшаву съ бумагами къ Жонду Народовому. Я былъ очень радъ этому порученію, потому что начиналъ уже скучать въ партіи. Мнѣ вручили бумаги, содержанія которыхъ я не зналъ, свидѣтельство отъ войта гмины (становой) на свободный проѣздъ въ Варшаву, паспортъ отъ Стасюкевича, для полученія почтовыхъ лошадей. Такой паспортъ назывался «карта для проѣзда» (*karta przejazdu*). Кромѣ всего этого, я получилъ еще 100 рублей.

Въ Варшаву я ѣхалъ цѣлыя сутки безъ всякихъ особенныхъ приключеній. Лошади на народныхъ почтахъ давались со всей исправностью усердныхъ патриотовъ. На каждой такой станціи, пока закладывали лошадей, наперерывъ спрашивали меня, не желаю ли кушать, и при малѣйшемъ моемъ согласіи не щадили ничего. Все, что было въ домѣ лучшаго, все предлагалось. Если случалось, что помѣщика не застанешь дома, то обыкновенно супруга его была вдвое любезнѣе. Скорая ѣзда хоть и утомила меня, однако имѣла также и свои пріятности.

На другой день я былъ въ Варшавѣ, стараясь какъ можно меньше обращать на себя вниманіе. На заставѣ меня позвали къ офицеру. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, не могъ ни къ чему придратъся, такъ какъ паспортъ, выданный войтомъ гмины, отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ закона. Когда я получилъ паспортъ свой назадъ, то велѣлъ кучеру погонять лошадей, чтобы скорѣе забыть тѣ непріятныя ощущенія, которыя я испытывалъ подъ взглядомъ офицера. Я не замѣтилъ, какъ лошади остановились у крыльца англійской гостиницы и прислуга, забравъ мой чемоданчикъ, отвела меня въ номеръ. Я задумался, какъ теперь вынуть данныя мнѣ бумаги, зашитыя въ шубу, тайнымъ образомъ, чтобы никто этого не замѣтилъ. Первый разъ въ жизни пришлось мнѣ держать секретъ такой важности. Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, распарывая подкладку шубы. Каждый малѣйшій стукъ, шумъ, говоръ, бросалъ меня въ жаръ, и я постоянно оглядывался на двери, не смотритъ ли кто поподслушиваетъ ли кто нибудь. Наконецъ, бумаги были вынуты, но безпокойство мое еще больше увеличилось, такъ какъ я не зналъ содержанія пакета, и взглядъ заставнаго офицера преслѣдовалъ меня.

Я заперся на ключъ, положилъ бумаги подъ подушку и, не переставая думать, какъ бы ихъ лучше спрятать, уснулъ. Проснулся я только въ одиннадцатомъ часу дня. Одѣлся скоро, не заавтракавъ даже, схватилъ бумаги въ карманъ, выбѣжалъ на улицу, вскочилъ на перваго попавшагося извозчика и велѣлъ везти себя въ домъ Караса на Краковскомъ предмѣстьѣ. Тамъ я

взбѣжалъ по лѣстницѣ во второй этажъ и постучался въ дверь. Мнѣ отворила какая-то старуха. Я спросилъ, дома ли баринъ. Старуха сказала мнѣ, что его нѣтъ дома, но есть его жена.

— У меня есть къ нему письмо.

— Вы можете передать его барынѣ. Я сейчасъ пойду, доложу.

Когда старуха доложила барынѣ, что къ мужу ея есть письмо, то она велѣла меня попросить къ себѣ. Войдя туда, я быстро оглядѣлъ небольшую комнату, въ которой меня принимали. Довольно широкая кровать стояла у стѣны отъ улицы; два или три сундука, на которыхъ въ безпорядкѣ валялось бѣлье, три стула, столикъ у окна и маленькій диванчикъ противъ кровати составляли всю обстановку комнаты. Хозяйка была очень красивая и еще молодая брюнетка, стройная и высокаго роста. Ея блѣдное лицо носило отпечатокъ болѣзненности, утомленія и какъ бы горя.

Мое загорѣлое лицо, пакетъ и паспортъ убѣдили, что я дѣйствительно полякъ, повстанецъ, оброньца ойчизны.

Убѣдившись въ этомъ, она мнѣ сказала, что мужа ея нѣтъ теперь дома, что онъ скрывается отъ преслѣдующей его полициі. Затѣмъ подвела меня къ дверямъ и указала на двѣ большія казенныя печати, которыми запечатана была дверь.

— Чтобы избѣжать ареста, — говорила она: — мужъ долженъ скрываться, а моя комната оставлена мнѣ потому, что я нанимаю и плачу за квартиру отдѣльно.

Пакетъ она согласилась взять для передачи мужу, объяснивъ мнѣ, что они передаютъ другъ другу бумаги чрезъ маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Попрощавшись и оставивъ ей конвертъ, я уже не обращалъ вниманія на приглашенія хорошенькой хозяйки, и думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе убѣжать изъ этого мѣста. Разказъ объ обыскѣ въ ея квартирѣ, мои догадки, что лице, къ которому Стасюкевичъ меня послалъ, находится подъ сильнымъ подозрѣніемъ у правительства, безпокоили меня страшно.

Я былъ чрезвычайно радъ, очутившись на улицѣ. Выйдя изъ воротъ, я осмотрѣлся на всѣ стороны, не замѣчаетъ ли меня ктонибудь, и затѣмъ взглядъ мой невольно остановился на противоположномъ домѣ. Тамъ около воротъ стоялъ полицейскій, посмотривавшій въ окна квартиры, изъ которой я только-что вышелъ. Я старался казаться какъ можно хладнокровнымъ и, смѣшавшись съ прохожими, вскочилъ въ первую попавшуюся дружку и приказалъ везти себя сначала по Новому Свѣту, затѣмъ на Иерусалимскую улицу, около желѣзной дороги, и остановился только у воротъ Саксонскаго сада. Здѣсь я немного походилъ и, не видя никого, кто бы за мной слѣдилъ, другими воротами вышелъ изъ сада и пошелъ пѣшкомъ къ Краковскому предмѣстью. Я инстинктивно избиралъ болѣе людныя улицы и мѣста. Утомленный

происшествіями дня, я почувствовалъ голодъ и пошелъ къ Буке-релю. Было 4 часа по полудни. Я обѣдалъ долго, хотя обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, потому что не зналъ рѣшительно, гдѣ провести остальную часть дня. Болѣе всего боялся я идти домой. Мнѣ казалось, что тамъ меня ожидаетъ полиція. Въ это время я увидѣлъ моего брата Феликса, ученика «Главной школы», и очень обрадовался этой встрѣчѣ.

Мы не видались очень давно. Посидѣвъ немного и поговоривъ о всемъ, что насъ больше интересовало въ это время, я пригласилъ его переночевать вмѣстѣ со мною въ моемъ номерѣ. Мы отправились. Я чувствовалъ себя храбрѣе вдвоемъ. Изъ разговора съ нимъ я увидѣлъ, что онъ не сочувствуетъ мятежу.

— Тогда только рѣшусь дѣйствовать за одно съ поляками, — говорилъ онъ: — когда французы и польскіе легіоны покажутся на границахъ Польши.

Я замолчалъ, потому что началъ понимать справедливость его словъ, и мнѣ было совѣстно рассказывать ему объ исторіи съ конвертомъ.

— Не знаешь ли ты, кто составляетъ теперь Жондъ Народовый здѣсь?

— А кто его знаетъ! Я держу себя подальше отъ революціонеровъ и потому положительно ничего не знаю. Говорятъ только, что въ подземномъ жондѣ заправились, какъ крысы, дерутся между собою за власть и потому каждую почти недѣлю перемѣняются.

— Какъ же это ты, Феликсъ, живя въ Варшавѣ, въ этой мятежной атмосферѣ, не только не принимаешь участія во всемъ этомъ, но даже и не сочувствуешь?

— Что-жъ тутъ удивительнаго? Я только трезво смотрю на вещи, вполне понимаю положеніе дѣлъ. Для многихъ ясно, что мятежъ этотъ ни къ чему не приведетъ. Что же касается до того, что я сижу въ Варшавѣ, то сижу по той простой причинѣ, что денегъ нѣтъ, а то давно бы уже удралъ отсюда въ имѣніе. Кстати скажу, что если нашъ управляющій и дальше будетъ безконтрольно распоряжаться, то насъ ожидаетъ несомнѣнное разореніе.

Дѣйствительно такъ и было. Загржевскій продалъ зерно еще на корню, шерсть на овцахъ и т. п. Если что осталось, то осталось, благодаря заботамъ Феликса. Онъ у меня переночевалъ, и все время моего прѣбыванія въ Варшавѣ я съ нимъ не расставался.

Варшава теперь была мало похожа на Варшаву до мятежа. Задорный маскарадъ, демонстраціи исчезли. По улицамъ ходили молодые повстанцы съ загорѣлыми лицами, пріѣхавшіе отдохнуть въ Варшаву. Сборы по костеламъ и улицамъ замѣнились тайными и явными сборами по кофейнямъ-трактирамъ. Тероръ все болѣе и болѣе распространялся по Варшавѣ дѣйствіями кинжалщиковъ. Всѣ чего-то ожидали. Радовались всякой вѣсти изъ провинціи объ

удачныхъ дѣйствіяхъ шаекъ, спрашивали другъ друга, когда же, наконецъ, придутъ французы. Лихорадочное состояніе было замѣтно въ настроеніи польской Варшавы.

Дня черезъ два пришли ко мнѣ двѣ неизвѣстныя личности и, отрекомендовавъ себя одинъ паномъ Юзефомъ, а другой Анто-ніемъ, сѣли около стола. По синимъ очкамъ я догадался, что они принадлежатъ къ организаціи. Лица, принадлежавшія къ органи-заціи, большей частью носили такія очки. Догадка моя оправда-лась. Оба они были агентами Жонда. Въ этомъ они увѣрили меня своими карточками, которыя вынули, одинъ изъ цѣпочки отъ часовъ, другой изъ тоненькой тросточки. Всѣ назначенія (по-пінасіи) и распоряженія Жонда обыкновенно писались на особен-ной такъ называемой американской бумагѣ, чрезвычайно тонкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ прочной. Номинаціи эти, величиною въ вось-мушку, свертывались такъ искусно, что могли быть спрятаны въ одно изъ звеньевъ цѣпочки. Я показалъ имъ свой паспортъ, вы-данный мнѣ Стасюкевичемъ на проѣздъ въ Варшаву. Послѣ этихъ формальностей мы приступили къ дѣлу. Старшій изъ нихъ, лѣтъ 30-ти, средняго роста, блондинъ, съ длинными волосами, откину-тыми назадъ, съ открытымъ и симпатичнымъ лицомъ, присту-пилъ къ дѣлу. Онъ началъ съ выговора за то, что я, пріѣхавъ въ Варшаву, только на другой день явился по адресу, причемъ замѣтилъ, что если бы было что нибудь болѣе важное въ моемъ пакетѣ, чѣмъ теперь, то я отвѣчалъ бы предъ Жондомъ Народо-вымъ. Послѣ этого онъ сказалъ, что довудца обращается къ нимъ съ просьбой доставить ему въ партію оружія и «регуляментъ» для обученія партіи строю, но рѣшить этотъ вопросъ можетъ только министръ войны и финансовъ, и потому сейчасъ отвѣта дать нельзя. Товарищъ его, помоложе, лѣтъ двадцати двухъ или трехъ, брюнетъ, низкаго роста, широкоплечій, съ отталкиваю-щимъ выраженіемъ лица, неуклюжій, началъ подробно разспра-шивать о нашей партіи, объ ея дѣйствіяхъ, ея довудцѣ и т. п. Прощаясь, они сказали мнѣ, что регуляментъ пришлютъ завтра, и завтра же я долженъ ѣхать въ партію. Остальной день я провелъ съ братомъ, а на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, явился ко мнѣ человѣкъ съ регуляментомъ и съ запечатаннымъ пакетомъ, адресованнымъ къ Стасюкевичу. Получивъ пакетъ, я припомнилъ все, испытанное мною съ пакетомъ, полученнымъ отъ Стасюке-вича, и дрожь пробѣжала по тѣлу. Я зашилъ его опять въ мед-вѣжью шубу и послѣ завтрака, попросившись съ братомъ, взялъ паспортъ, заявленный въ полиціи, и отправился по Брестскому шоссе вмѣстѣ съ спутникомъ.

VI.

Возвращеніе въ шайку.—Мой спутникъ—кинжальщикъ.—Его разказы.—Прибытіе въ Покинянку.—Увеличеніе шайки; ея составъ.—Повѣшеніе крестьянина.—Казни въ Яновѣ.—Варварское обхожденіе помѣщиковъ со своими крестьянами.—Ожиданіе диновника организаціи.—Оживленіе среди поляковъ.—Раздѣленіе Жонда на двѣ партіи.—Вопросъ о будущемъ правленіи въ Польшѣ.—Попытка лишить Стасюкевича начальства.—Хитрость Нарбута.—Моя поѣздка въ Варшаву.—Русскій полицеймейстеръ въ должности содержателя польской почты.—Гимназисты-повстанцы.—У Варшавской заставы.—Находчивость моихъ спутниковъ.

Спутникъ мой, уроженецъ Варшавы, унтеръ-офицеръ русской арміи, служившій въ то время при варшавскомъ арсеналѣ, какъ онъ мнѣ говорилъ, считался лучшимъ оружейнымъ слесаремъ. Онъ былъ неглупый малый, широкоплечій, скорѣе низкаго, чѣмъ средняго роста, хорошо сложенный и сильный. Онъ мнѣ рассказывалъ дорогой, какъ онъ, набравъ охотниковъ, вооружившись, чѣмъ кто могъ, ночью пробовалъ пробраться изъ Варшавы. По улицамъ они не встрѣтили никакого препятствія. Пользуясь темнотою ночи, они добрались уже до Вольскихъ валовъ въ числѣ двадцати человѣкъ, но когда взошли на валъ, крикъ часоваго «кто идетъ?» остановилъ ихъ. Охотники, оправившись отъ перваго испуга, продолжали свой путь. Часовой же, не получая отвѣта на свои вопросы, выстрѣлилъ. Охотники бросились бѣжать, но солдаты открыли по нимъ огонь и принудили вернуться назадъ въ Варшаву. Двухъ изъ нихъ арестовали, пятеро бѣжали, а остальные возвратились въ Варшаву и между ними мой Тварды, раненный штыкомъ въ ногу.

Такія предпріятія дѣлались часто. Варшавскій Жондъ поощрялъ ихъ, собиралъ партіи, назначалъ начальниковъ. Начальниками были обыкновенно кинжальщики, за которыми слѣдила полиція. Тварды проговорился, что и онъ былъ такимъ доводцей.

— Слѣдовательно и ты былъ кинжальщикомъ?—спросилъ я его.

— Да, дѣйствительно былъ,—смутившись, сказалъ онъ:—но никого не убилъ. Я недавно началъ заниматься этимъ ремесломъ.

— По какой же причинѣ Жондъ удаляетъ васъ изъ Варшавы въ партію?

— Дѣло въ томъ,—еще больше смутившись, сказалъ онъ:—что мнѣ поручено смотрѣть и наблюдать за вами до прибытія въ партію и, если окажется, что дѣйствія ваши не чисты въ отношеніи Жонда, то распорядиться съ вами, какъ обыкновенно распоряжаются кинжальщики.

Меня обдало холодомъ при этихъ словахъ.

— Какой же поводъ не довѣрять мнѣ?—спросилъ я своего спутника.

— Этого ужъ я не знаю, и, если сказалъ вамъ о своемъ назначеніи, то лишь потому, что полюбилъ васъ за человѣческое и ласковое обращеніе со мной.

Его откровенность хотя успокоила меня, но недовѣріе, оказанное мнѣ, возмущало меня до глубины души. Я старался отыскать причину его, но ничего не могъ придумать и рѣшилъ, что недовѣріе происходитъ отъ того, что меня видѣли въ первый разъ, что это лишь благоразумная осторожность.

Теперь я больше прежняго боялся встрѣтиться съ какимъ бы то ни было русскимъ отрядомъ, зная, кто сидитъ возлѣ меня. Хозяева народныхъ почтъ угощали и принимали меня попрежнему, и скоро мы прибыли къ мѣсту своего назначенія. Стасюкевичъ съ партіей былъ въ Покинянкѣ. Онъ принялъ насъ радушно, былъ доволенъ содержаніемъ пакета, полученнаго отъ Жонда, гдѣ говорилось, что министръ финансовъ разрѣшилъ выдать на вооруженіе 3.000 рублей сер., что Жондъ доволенъ партіей и Стасюкевичемъ, что всѣ сдѣланныя имъ производства во вѣренной ему партіи утверждаются. Такимъ образомъ мы были утверждены въ занимаемыхъ нами должностяхъ. Тварды былъ опредѣленъ унтеръ-офицеромъ (leksujnum) въ стрѣлкахъ. Вскорѣ онъ былъ убитъ русскими, и партія очень его жалѣла, такъ какъ, кромѣ того, что онъ былъ весьма полезенъ, какъ слесарь, онъ еще отлично умѣлъ готовить яичницу.

Въ мое отсутствіе партія наша увеличилась до 400 человекъ. Поступали главнымъ образомъ дворовые люди, мѣщане, мелкопомѣстная шляхта и нѣсколько человекъ крестьянъ, бывшихъ въ услуженіи у ксендзовъ-уніатовъ.

Въ нашемъ же уѣздѣ сформировалась въ мое отсутствіе другая партія, подъ начальствомъ Адама Радовицкаго. Остатки разбитой партіи Бончи собирались на зовъ новаго доводцы, присланнаго Жондомъ изъ Варшавы. Адамъ Радовицкій, помѣщикъ Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи, былъ отставной офицеръ русской арміи. Мы его называли Мирославчикомъ. Онъ въ скоромъ времени былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ въ Сѣдлецѣ. Радовицкому не въ первый разъ пришлось быть арестованнымъ. Весной еще, въ маѣ мѣсяцѣ, его задержали съ прокламаціями и порохомъ. Прокламаціи онъ ловко спряталъ, такъ что ихъ не могли найти, и его на этотъ разъ оправдали.

Я узналъ также, что во время моего отсутствія Стасюкевичъ, отправившись по обыкновенію на рекогносцировку, повѣсилъ въ деревнѣ Кіовець Бяльскаго уѣзда крестьянина. Разсказъ о его повѣшеніи заставилъ меня многое передумать и усомниться въ «swientosci» sprawy польской. На этого крестьянина, еще предъ моимъ отъѣздомъ въ Варшаву, жаловались патриоты и шпионы, что онъ, не смотря на предостереженія, продолжаетъ сноситься съ русскими. Крестьянинъ этотъ былъ отставной унтеръ-офицеръ русской арміи, православнаго вѣроисповѣданія, но не католическаго. Онъ съ семьей жилъ въ своей хатѣ. Стасюкевичъ давно уже хо-

тѣль поймать шпіона и повѣсить. И вотъ, взявъ съ собой Карчевскаго, Нарбута, Мѣлевскаго, Ксендза и др., онъ неожиданно напалъ на солдата и засталъ свою жертву въ то время, когда она старалась спрятаться въ выкопанную въ полу яму. Голова его была еще наверху. Его вытащили оттуда за голову, вытолкали изъ хаты, передъ которой росла полусухая верба (я, проѣзжая послѣ чрезъ Кіовець, видѣлъ эту страшную вербу; крестьяне показываютъ ее со страхомъ), и на ней повѣсили свою жертву; они хотѣли повѣсить также его жену и дѣтей, но крестьяне увели ихъ и спрятали у себя. Стасюкевичъ гордился и хвастался своимъ подвигомъ. Однако, кіовецкіе крестьяне послѣ этого не только не сдѣлались патриотами, но, наоборотъ, даже врагами всякой партіи, и только подъ конецъ мятежа они были болѣе доступны и даже содѣйствовали возстанію.

Кромѣ этого, Стасюкевичъ во время моего отсутствія успѣлъ повѣсить въ городѣ Яновѣ одного еврея и мѣщанина, не знаю уже за что. Но тамъ жители города были въ восторгѣ отъ такой расправы и оставили трупы висѣть два дня. Я даже слыхалъ, что нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Вышинскій, били трупы нагайками, и Стасюкевичъ съ трудомъ могъ остановить его. Въ партіи Красинскаго былъ Бѣлецкій, сынъ помѣщика Бяльскаго уѣзда; онъ приобрѣлъ большую извѣстность своей жестокостью. О немъ ходили страшные рассказы. Говорили, что Бѣлецкій иначе не ходилъ съ шайкой, какъ только обвѣшанный петлями, совѣмъ готовыми, чтобы набросить на избранную жертву. Тогда онъ прикрѣплялъ ее къ чемунибудь, тянулъ вверхъ, такъ что жертва невольно подымалась съ веревкой, а другіе дергали за ноги съ разнаго рода островами. Жизнь этого звѣря кончилась тѣмъ, что онъ, опершись головой о дуло своего ружья, по неосторожности прострѣлилъ себѣ голову. Такихъ людей мятежъ выдвинулъ не мало. Впрочемъ, и до мятежа ихъ было не мало. Не рѣдко случалось, что помѣщики до смерти засѣкали своихъ крестьянъ за какуюнибудь мелочь. Помѣщикъ Слонимскаго уѣзда, Вольбекъ, напримѣръ, запрягалъ своихъ крестьянъ въ соху и пахалъ землю. Генеральша Владычанская испекла свою кухарку въ печи за дурно-сваренный обѣдъ. Помѣщика Я... въ наказаніе за принесенную служанкой не процѣженную къ мытью воду, умывшись, велѣла горничной выпить всю грязную воду въ своемъ присутствіи. Не удивительно поэтому, если крестьяне возставали противъ своихъ помѣщиковъ и нерѣдко даже убивали.

Мѣсяцъ май прошелъ безъ особенныхъ событій. Попржнему насъ навѣщали курьерки и чиновники организаціи. Особенно врѣзалось мнѣ въ память посѣщеніе одного господина изъ Гродненскаго воеводства. Мы ожидали его дня два. Рядовымъ выдали жаюванье, все чистили, приводили въ порядокъ, однимъ словомъ готовились. Наконецъ, это было въ началѣ іюня мѣсяца, приѣхалъ

этотъ господинъ изъ Бреста. Партію выстроили, и господинъ, сопровождаемый Стасюкевичемъ и штабомъ, произвелъ смотръ нашей партіи, а затѣмъ отправился въ хату лѣсничаго, который, по обыкновенію, уѣхалъ. Нужно знать, что мы охраняли лѣсничихъ, какъ нужныхъ намъ людей, при нашихъ постоянныхъ лѣсныхъ странствованіяхъ. Здѣсь таинственный господинъ пообѣдалъ съ нами и, не посмотрѣвъ даже моей канцеляріи, уѣхалъ. Говорили, что онъ былъ присланъ брестскимъ воеводой посмотреть, въ силахъ ли наша партія приступить къ дѣйствіямъ. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ диктаторъ Литвы.

Лѣто оживило наши надежды. Иностранныя державы открыто говорили въ пользу польской sprawy и мятежа. Всѣ бросились къ газетамъ. Неумѣющимъ читать читали другіе. Дѣятельность революціонеровъ удвоилась. Люди, не довѣрявшіе до сихъ поръ своимъ силамъ, открыто примкнули къ сторонѣ революціонеровъ, поступали въ шайки сами и посылали своихъ дѣтей. Тѣ же, которые оставались дома, искали и требовали отъ Жонда занятія, принимая на себя всякія обязанности. Въ самомъ Жондѣ образовалось двѣ партіи: красныхъ, которые хотѣли возстановить Польшу въ ея прежнихъ границахъ, и бѣлыхъ, которые исключали изъ ея территоріи Украйну. Крестьяне, до сихъ поръ противодѣйствовавшіе и не довѣрявшіе мятежу, испугались самоувѣреннаго настроенія пановъ и повстанцевъ и начали, хотя и неохотно, помогать шайкамъ. Немало способствовали такой перемѣнѣ среди крестьянъ еще ксендзы. Они повсемѣстно съ церковной кафедры старались всячески возбуждать крестьянъ. Они распускали слухи, что французы уже двигаются въ Польшу и скоро объявятъ Польшѣ ея независимость. Такъ было, напримѣръ, въ Малевой Гужѣ Бяльскаго уѣзда. Здѣшній ксендзъ былъ извѣстенъ правительству еще передъ мятежемъ, какъ первый революціонеръ въ уѣздѣ. Солдаты-католики изъ русскихъ войскъ все чаще и чаще начали дезертировать и пополнять собой ряды повстанцевъ, гдѣ ихъ принимали очень охотно, какъ людей, обученныхъ военному искусству. Шайки размножались и распространялись съ необыкновенною быстротою по царству Польскому; если взять среднее число, то на уѣздъ можно было считать по двѣ шайки, кромѣ жандармовъ-вѣшателей.

Все вдругъ перемѣнилось. Съ минуты на минуту мы ждали прихода французовъ. Эта ожидаемая минута заставляла насъ неоднократно забывать дѣйствительность. Теперь мы мечтали только о томъ, какъ мы будемъ беспокоить москалей, когда придутъ французы, какъ будемъ отбивать фуражъ и мѣшать имъ во всемъ, какъ, наконецъ, будемъ ихъ выгонять изъ края. Наконецъ, разсуждали уже о томъ, кого выбрать въ короли и какое дать правленіе Польшѣ. Послѣ долгихъ споровъ рѣшили устроить въ Польшѣ правленіе по образцу Соединенныхъ Штатовъ.

У насъ въ шайкѣ возникъ вопросъ, кого избрать начальникомъ. Стасюкевичъ, понашему, не способенъ былъ теперь быть хорошимъ доводцей, потому что онъ по трусости избѣгаетъ сраженія и прячется, когда услышитъ, что приближается отрядъ русскихъ. Говорили, что нуженъ человѣкъ, болѣе дѣятельный и болѣе свѣдущій. Кандидатомъ выставляли Нарбута, но я и еще нѣсколько человѣкъ остались на сторонѣ Стасюкевича. Нарбутъ хотѣлъ сдѣлать переворотъ съ помощью офицеровъ, но неудачно. Стасюкевичъ, впрочемъ, объ этомъ ничего не зналъ. Нарбутъ, однако, не оставлялъ своего намѣренія и для этого употребилъ такую хитрость. Онъ взялъ чистый листъ бумаги и началъ собирать подписи, говоря, что хочетъ просить о выдачѣ оружія и что, когда напишетъ просьбу (для нея было оставлено на листѣ чистое мѣсто), то прочтеть подписавшимся. Я отказался подписать такой бланкъ, другіе же, частью добровольно, частью по приказанію Нарбута, который былъ начальникомъ штаба, подписали. Это было въ началѣ іюля.

Мнѣ захотѣлось отдохнуть и побывать въ Варшавѣ, и я попросился въ отпускъ. Уѣзжая, я предупредилъ Стасюкевича о томъ, что дѣлается въ нашей партіи. Стасюкевичъ, какъ оказалось, уже зналъ обо всемъ этомъ и успѣлъ принять нѣкоторыя мѣры, а также сообщить Жюнду, отъ котораго ждалъ теперь отвѣта. Стасюкевичъ поблагодарилъ меня за то, что я держалъ его сторону, и просилъ, когда я буду въ Варшавѣ, наблюдать за Мѣлевскимъ, который везетъ съ собой просьбу, подписанную партіей, о сверженіи Стасюкевича. Мнѣ данъ былъ отпускъ на десять дней. Получивъ всѣ необходимые документы для предъявленія, какъ русскому, такъ и своему правительству, я отправился въ Варшаву. Я очень былъ радъ отдыху отъ службы, которая была крайне утомительна. Въ самомъ дѣлѣ, мы должны были постоянно находиться наготовѣ, а потому даже спали одѣтыми, горячей пищи почти не видѣли, вмѣсто воды пили водку, которую намъ привозили въ большомъ количествѣ. Я до поступленія въ партію не употреблялъ никогда водки и рѣдко вино, здѣсь же ежедневно выпивалъ по поль-кварти и не былъ пьянъ. Бѣлья почти не перемѣняли, вслѣдствіе чего все тѣло покрылось сыпью и чесалось до невозможности. Понятно, съ какимъ удовольствіемъ я вырвался на свободу. Я забылъ и о Польшѣ, и о французахъ и заботился только о своихъ личныхъ удобствахъ.

Я останавливался у помѣщиковъ, которые принимали меня съ распростертыми объятіями и съ восторгомъ высказывали надежды на скорое освобожденіе Польши. Общее настроеніе отражалось даже на ямщикахъ народной почты. Угрюмые и недовольные въ первую мою поѣздку, они теперь весело разговаривали всю дорогу. Одинъ изъ нихъ даже просилъ меня самымъ серьезнымъ образомъ кланяться французамъ, потому что я ихъ увижу раньше. Сначала удивилъ, а послѣ обрадовалъ меня слѣдующій фактъ. Меня при-

везли въ Радзиминь, и я спросилъ моего кучера, гдѣ здѣсь почта. Онъ мнѣ сказалъ, что у бургомистра (полицеймейстера).

— Да что ты шутишь, что ли? — съ досадою и даже нѣкоторымъ страхомъ переспросилъ я его.

— Нѣтъ, пане. Здѣсь почту держитъ бургомистръ, — отвѣтилъ онъ вполне серьезно.

Я подумалъ, не предають ли меня въ руки правительства и не пора ли мнѣ бѣжать, какъ вдругъ явилась низко кланяющаяся фигура бургомистра, который, подойдя ко мнѣ, просилъ, если нужны лошади въ Варшаву, немного обождать, такъ какъ лошади всѣ въ разгонѣ, и предложилъ отдохнуть и заснуть у него на квартирѣ.

Русскій чиновникъ и служить польской справѣ! Меня это явленіе до того озадачило, что я вытаращилъ на него глаза, не понимая, что онъ говоритъ, и осторожно началъ запускать руку въ карманъ, гдѣ находился револьверъ. Кучеръ, который привезъ меня, видя эту сцену, бросился ко мнѣ.

— Что вы дѣлаете? — прошепталъ онъ: — это начальникъ почты. Онъ даетъ всѣмъ проѣзжимъ панамъ лошадей.

Я спряталъ револьверъ. Блѣдный бургомистръ досталъ изъ кармана и показалъ мнѣ свидѣтельство организаціи. Я успокоился и извинился въ своей ошибкѣ, въ которой была виновата предъидущая станція, не предупредившая меня о такомъ исключительномъ явленіи въ организаціи. Онъ сообщилъ мнѣ, что всѣ бургомистры кругомъ Варшавы имѣють двѣ должности.

Я зашелъ къ нему на квартиру, гдѣ подали закуску, и мы разговорились. Онъ сообщилъ, что у него двое дѣтей, воспитывавшихся въ Варшавѣ, одному пятнадцать лѣтъ, другому четырнадцать. Не смотря на это, они бѣжали изъ Варшавы и стали въ ряды шайки Мыстковскаго. Дѣло въ томъ, что Мыстковскій изъ такихъ дѣтей сформировалъ цѣлый отрядъ въ 50 человекъ, но скоро принужденъ былъ ихъ распустить, такъ какъ отъ ходьбы у нихъ начали пухнуть ноги, и оставилъ у себя только старшихъ. Вслѣдствіе этого юные повстанцы должны были вернуться къ оставленнымъ учебнымъ занятіямъ. Бургомистръ просилъ меня доставить своихъ двухъ бѣглецовъ на мѣсто, и мы, усѣвшись въ бричку, двинулись къ Варшавѣ.

Меня очень интересовали мои юные спутники, и я вступилъ съ ними въ разговоръ. Младшій, болѣе развитой и разговорчивый, сообщилъ мнѣ, что онъ учится въ школѣ при Доминиканскомъ монастырѣ въ Варшавѣ и уже въ третьемъ классѣ.

— Всѣ наши ученики, — говорилъ онъ, — участвовали во всѣхъ Варшавскихъ демонстраціяхъ, гдѣ подъ руководствомъ ксендзовъ пѣли «Boże coś Polske». Учениковъ же у насъ довольно много и почти всѣ дѣти ремесленниковъ, купцовъ и бѣдныхъ чиновниковъ. Я самъ сынъ небогатаго чиновника. Моя мать занимается частными

уроками и потому уходитъ часто изъ дому. Всѣ ученики старшихъ классовъ, — говорилъ онъ, — отправились въ шайку. Мучимый тѣмъ, что почти всѣ наши третьеклассники пошли драться за ойчизну, я объявилъ матери о своемъ желаніи послѣдовать за ними. Мать начала бранить меня, говоря, что мнѣ нужно еще учиться, чтобы быть полезнымъ ойчизнѣ, которую и безъ меня освободятъ старшіе. Послѣ этого я искалъ только случая, какъ бы мнѣ привести въ исполненіе свой планъ. Сговорившись съ однимъ мальчикомъ, сыномъ булочника, моимъ сверстникомъ, запасшись хлѣбомъ, булками и другой провизіей, мы убѣжали изъ дому, не говоря никому ни слова, и такимъ образомъ пѣшкомъ на другой день попали къ одному помѣщику. Тотъ уговаривалъ насъ вернуться домой, но мы не соглашались, плакали и просили его, чтобы онъ сказалъ, гдѣ находится партія. Помѣщикъ упрямылся и даже велѣлъ заложить лошадей, желая отвезти насъ въ Варшаву. Тогда мы удрали отъ него и долго блуждали, боясь заходить къ какому нибудь помѣщику и ночуя на полѣ. Намъ было очень страшно однимъ ночью. Притомъ же мѣшечекъ нашъ скоро опустѣлъ, и волей-неволей намъ приходилось возвратиться домой, въ Варшаву. Мы рѣшили, если родители будутъ спрашивать, гдѣ мы пропадали, сказать, что были у одного своего школьнаго товарища въ Прагѣ. Но, къ счастью, на обратномъ пути мы встрѣтили компанію другихъ мальчиковъ, въ числѣ которыхъ былъ и мой братъ. Онъ теперь въ четвертомъ классѣ реальной гимназіи и былъ избранъ во временную полицію Варшавы, въ знакъ чего носилъ черезъ плечо шарфъ. Ему еще труднѣе было уйдти изъ дому, такъ какъ мать запирала его на ключъ. Узнавъ, что они преслѣдуютъ ту же цѣль, мы присоединились къ нимъ и пошли отыскивать вмѣстѣ партію, чтобы туда опредѣлиться. Въ пяти миляхъ отъ Варшавы мы встрѣтились съ партией Мыстковскаго, который собиралъ дѣтей и составилъ изъ нихъ особый плутонъ (pluton). Онъ вооружилъ насъ винтовками, но черезъ два мѣсяца многіе изъ насъ начали болѣть отъ изнуренія и непривычки ходить, такъ что Мыстковскій распустилъ насъ, и вотъ теперь мы ѣдемъ съ вами.

На мой вопросъ, не были ли они въ какомъ нибудь сраженіи, оба отвѣчали, что пришлось участвовать въ одной стычкѣ, только они были разбиты, и одинъ изъ тѣхъ, которые пришли съ ними вмѣстѣ изъ Варшавы, былъ убитъ, а остальные чуть не попали въ плѣнъ.

Воодушевленіе, съ которымъ они рассказывали свои похождения, меня такъ забавляло, что я не замѣтилъ, какъ мы пріѣхали въ Варшаву. Не доѣзжая до заставы, я ихъ высадилъ изъ брички съ тѣмъ, чтобы встрѣтиться снова около моста на р. Вислѣ. Я остановился у заставы и пошелъ заявить свой паспортъ офицеру. Проѣзжихъ было много, такъ что я дожидался своего отпуска

слишкомъ полчаса. Въ это время двери отворились, и полицейскій ввелъ моихъ спутниковъ. Меня это нѣсколько озадачило. Я не зналъ, что въ это время безъ билета изъ Варшавы нельзя было отлучаться за заставу. Приведя ихъ въ комнату, полицейскій доложилъ объ этомъ офицеру.

Офицеръ, прервавъ разсматриваніе подаваемыхъ ему паспортовъ, направился къ моимъ повстанцамъ и обратился къ меньшему съ вопросами: кто они, откуда, почему и какимъ образомъ перешли заставу. Тотъ бойко отвѣчалъ, что онъ изъ Варшавы, и не зналъ о новомъ распоряженіи и не его вина, если его не задержали, когда онъ часъ тому назадъ съ своимъ товарищемъ переходилъ заставу. А что онъ вышелъ только гулять, это доказывается тѣмъ, что передъ сумерками возвращается назадъ въ Варшаву. Офицеръ былъ успокоенъ отвѣтами повстанца и сдѣлалъ только выговоръ полицейскому за худой присмотръ. Послѣ этого ихъ отпустили.

Вскорѣ и я получилъ возможность протолкаться между пассажирами и подать къ разсмотрѣнію свой паспортъ офицеру. Я не желалъ быть послѣднимъ, думая, что въ толпѣ офицеръ не будетъ любопытенъ въ разспросахъ и просто подпишетъ. Такъ и случилось. Разсмотрѣвъ мой паспортъ, спросивъ наскоро, гдѣ я остановлюсь въ Варшавѣ, онъ записалъ адресъ и приложилъ печать. Я могъ ѣхать спокойно. Довольный вполнѣ, добравшись до моста, я нашелъ здѣсь моихъ спутниковъ и забралъ ихъ въ бричку.

Довольные собою, юноши повстанцы говорили, что, если бы даже былъ миліонъ такихъ москалей, то они сумѣли бы ихъ провести. Мальчики мнѣ нравились. На Краковскомъ предмѣстьѣ мы должны были разстаться, такъ какъ я ѣхалъ въ гостинницу. Повстанцы взяли свои узелки подъ мышку и просили меня, чтобы я ихъ проводилъ къ матери, но я отказался, такъ какъ не имѣлъ ни времени, ни охоты.

Ягминъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

